

УДК 821.111

DOI: 10.34670/AR.2022.49.44.002

**Ранняя англоязычная рецепция романа Е. Замятина «Мы»
(до 1950-х годов) в контексте становления жанра антиутопии**

Король Елизавета Романовна

Аспирант,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: erkorol@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу процесса восприятия романа «Мы» Е. Замятина в зарубежной критике до 1950-х гг. Будучи опубликован впервые в английском переводе в 1924 г., роман этот вызвал значительную критическую рефлексию и стал одним из важнейших факторов становления жанра антиутопии в мировой литературе (прежде всего англоязычной). В англоязычной рецепции можно выделить два основных блока: это рецепция английскими и американскими критиками и публикации авторов русского зарубежья (прежде всего Г. Струве). Автор указывает на то, что текст, воспринимаемый ранее как футуристический сатирический роман-антиутопия с политическим подтекстом, после Второй мировой войны приобретает новый смысл и рассматривается читателями прежде всего как роман пророческий, описывающий опыт тоталитарной диктатуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Король Е.Р. Ранняя англоязычная рецепция романа Е. Замятина «Мы» (до 1950-х годов) в контексте становления жанра антиутопии // Язык. Словесность. Культура. 2022. Том 12. № 1-2. С. 32-39. DOI: 10.34670/AR.2022.49.44.002

Ключевые слова

Евгений Замятин, «Мы», антиутопия, критическая рецепция, становление антиутопии, перевод.

Введение

История публикации романа Е. Замятина «Мы» стала отражением непростых процессов в советской литературе. Напечатать роман, написанный в 1922-1924 гг., в Советской России Замятину не удалось, так как книгу не пропускала цензура. Невозможность публикации в своей стране стала причиной печати антиутопии сначала в английском (1924 г.), а затем в чешском (1927 г.) и французском (1929 г.) переводах.

Впервые роман был опубликован в переводе Грегори Зильбурга в 1924 г. издательством «Dutton» в США. После публикации «Мы» стало появляться множество критических статей, рецензий, научных трудов по творчеству Замятина как в США, так и в Англии.

Не будучи опубликован на русском языке полностью (только частями в прессе русского зарубежья), роман все же стал ярким культурным явлением и, в частности, получил отзыв Э. Лунина в советской «Литературной энциклопедии»: «В 1925-1929 за границей были напечатаны переводы романа Замятина “Мы”, представлявшего собой памфлет на социалистическое общество (в Советской России не печатался). Эта контрреволюционная вылазка писателя становится осенью 1929 известной советской общественности и вызывает ее глубокое возмущение. <...> Целиком защищающий капиталистический порядок, Замятин создает в романе “Мы” низкий пасквиль на социалистическое будущее. <...> Теории Замятина – не более как маскировка очень прозаической и очень понятной тоски буржуазии по утерянному ею экономическому благополучию и ненависти к тем, кто это благополучие у нее отнял. Выражая психоидеологию этой снимаемой с исторической арены социальной группировки, творчество Замятина приобретает с развитием нашего социалистического строительства все более и более контрреволюционную направленность» [Лунин, 1930, т. 4, 303-309].

Также следует отметить, что неопубликованный на русском языке роман «Мы» подвергался активной и порой неоднозначной критике и других советских писателей: появлялись статьи, осуждающие «нападки» автора на большевизм, а также положительные отзывы, подчеркивающие писательский талант Замятина и актуальность его идей. Произведение автора осуждается А. Воронским, М. Горьким, В. Шкловским: в критических статьях авторы отмечают неуместность и сухость сатиры Замятина, однообразие в использовании художественных приемов, бесосновательную и ложную трактовку политических идей.

А. Воронский отзывается о романе Замятина следующим образом: «Роман производит тяжелое и странное впечатление. Написать художественную пародию и изобразить коммунизм в виде какой-то сверх-казармы под огромным стеклянным колпаком не ново: так издревле упражнялись противники социализма – путь торный и бесславный. <...> В романе протест и восстание свое начало ведут от любви строителя к женщине за номером таким-то. Мотив – замятинский, узко-индивидуальный. Не мудрено, что конец – пессимистический» [Воронский, 1922, 96-98].

В. Шкловский положительно отзывался о дооктябрьских произведениях Замятина, но роман «Мы» беспощадно критиковал: «Несмотря на присутствие в “Мы” ряда удачных деталей, вся вещь совершенно неудачна и является ярким указанием того, что в своей старой манере Замятин достиг потолка. <...> Ослабление сюжета вследствие переноса внимания на образ. Систематизация образа. Мнимая наполненность формы механически построенными образами» [Шкловский, 1927, 65-67]. «Отчаянно плохой, совершенно не оплодотворенной вещью» назван роман «Мы» и М. Горьким в письме к И.А. Груздеву, несмотря на дружеские отношения критика с Е. Замятиным [Горький, 1956, т. 30, 126].

С подобными отзывами контрастируют явно положительные оценки творчества писателя. Например, Я. Браун пишет: «Евгений Замятин – самый лукавый писатель в русской литературе. На каждом этапе своего развития он обманывает предельностью, конечностью, горизонтом, обтачивает и закругляет эти мнимо найденные концы земли, пределы пределов, с тем, чтобы в последний момент перейти через них и позвать к новым пределам. <...> И все же, явление Замятина – большое, многорадостное явление литературной современности» [Браун, 1923, 237-240]. А Ю. Тынянов особое внимание уделяет стилистическому мастерству автора: «Инерция стиля вызвала фантастику. Поэтому она убедительна до физиологического ощущения» [Тынянов, 1924, 297-298].

История вопроса

Вопросами англоязычной, в том числе критической, рецепции творчества Замятина занималась С.Г. Долженко. По поводу ранней критики она отмечала, что та «ставила особый акцент на антикоммунистической направленности романа» [Долженко, 2003, 10], однако собственно облик творчества Замятина, создавшийся в критике, и историю этой критической рецепции она подробно не исследует. Такое рассмотрение выглядит важным, поскольку позволяет отследить объем рецепции романа в зарубежном сообществе и пронаблюдать влияние этой рецепции на становление понятия «антиутопия» в зарубежном литературоведении.

Также иностранную рецепцию романа Замятина рассматривал Дж. Куртис. Он отметил такую важнейшую тенденцию, одновременно заострившую рецепцию и сузившую ее, как трактовка романа исключительно как нападки на большевистскую Россию [Куртис, 2014, 605].

Американская и английская и критика

Мы можем следующим образом воссоздать историю англоязычной рецепции в американской критике:

- 1) Бабетта Дейч (Babette Deutsch) – март 1925 г.;
- 2) Дороти Брюстер (Dorothy Brewster) – август 1925 г.;
- 3) Джордж Оруэлл (George Orwell) – 1946 г.

Общей чертой рецензий Бабетты Дейч и Дороти Брюстер являются признание исторической и социальной ценности романа Е. Замятина «Мы», определение в нем критики коммунистического строя.

Б. Дейч писала: «Почти все детали в книге... имеют отношение к той особенной организации, что правит советской жизнью. В то же время автор высмеивает механистическое общество, полнейшая стандартизация которого, воплощенная в реальность в этих формах, все еще является благоговейной мечтой честолюбивых коммунистов»¹ [Deutsch, 1925, 104]. Однако авторы обращали внимание не только на политический подтекст произведения, но и на его форму. Б. Дейч и Д. Брюстер отмечали стилистическое мастерство автора, точность созданных им образов и умение гармонично сочетать проблемы государственные и сердечные. Б. Дейч критиковала перевод Г. Зильбурга, являющийся препятствием для ознакомления с оригинальным методом Замятина, со стилистическими особенностями автора.

Д. Брюстер особую ценность видела в дневниковой форме изложения Замятина. По ее мнению, «живой, синкопированный стиль» записей Д-503 свидетельствует о постепенном

¹ Цитаты из англоязычных работ даны в переводе автора статьи, если не указано иное.

перевоплощении героя, подчеркивает психологизм: Д-503 отходит от идей Единого Государства и переносится во «все более фантастический мир снов и странных волнующих страстей ревности, любви и свободы» [Brewster, 1925, 237]. Авторское сознание, по мнению Д. Брюстер, было передано именно через особое повествование от первого лица, что обеспечило тексту некую оригинальность. Также следует отметить, что в рецензиях авторов прослеживается следующая мысль: описанный Е. Замятиным общественный строй универсален и может быть рассмотрен не только в контексте коммунистического режима Советской России, но и в общемировом контексте проблем стандартизации и механизации.

Таким образом, анализируя рецензии Б. Дейч и Д. Брюстер, можно прийти к выводу о том, что антиутопия Е. Замятина «Мы» характеризуется уникальным стилем повествования, а также имеет особенности, выводящие произведение из круга проблем советского или английского общества. «Мы» представляет собой антиутопию масштабного характера, проект, на базе которого впоследствии будут строиться антиутопические тексты других авторов.

Более поздним откликом на роман «Мы» становится рецензия Дж. Оруэлла (1946 г.), будущего «преемника» черт антиутопического изложения Замятина. Оруэлл дает неоднозначную оценку произведения, отмечая прежде всего ее оригинальность: «Насколько я могу судить, это не первоклассная книга, но, конечно, весьма необычная...» [Оруэлл, 1989, 306]. Следует отметить, что сама рецензия построена по принципу сопоставления романа «Мы» и романа О. Хаксли «О дивный новый мир».

Дж. Оруэлл отмечает разительное сходство текстов: «Оба произведения рассказывают о бунте природного человеческого духа против рационального, механизированного, бесчувственного мира, в обоих произведениях действие перенесено на шестьсот лет вперед. Атмосфера обеих книг схожа, и изображается, грубо говоря, один и тот же тип общества...» [Там же]. Сравнивая антиутопические тексты, Дж. Оруэлл отмечает сходства и различия, удачные и неудачные элементы повествования: «У Хаксли не так явно ощущается политический подтекст и заметнее влияние новейших биологических и психологических теорий. <...> И хотя книга Замятина не так удачно построена – у нее довольно вялый и отрывочный сюжет, слишком сложный, чтобы изложить его кратко, – она заключает в себе политический смысл, отсутствующий в романе Хаксли» [Там же, 307].

Рецензент также выделяет еще один недостаток работы Хаксли: ему трудно поверить, что изображаемое автором общество могло бы существовать в действительности, «причина столь изощренного разделения общества на касты» остается непонятной для Оруэлла, ведь в «Дивном новом мире» нет «ни голода, ни жестокости, ни каких-либо лишений». Анализируя работу Замятина в отдельности и в сравнении с антиутопическим проектом Хаксли, критик приходит к следующему выводу: «Книга Замятина в целом по духу ближе нашему сегодняшнему дню» [Там же]. Также Оруэлл подчеркивает, что критика советского режима не является «мишенью сатиры» Замятина, отмечает «пророческий» подтекст романа и его масштабность, выделяет «глубину политического и психологического анализа феномена авторитарной власти» [Куртис, 2014, 610-611]: «Он [Замятин] писал еще при жизни Ленина и не мог иметь в виду сталинскую диктатуру, а условия в России в 1923 г. были явно не такие, чтобы кто-то взбунтовался, считая, что жизнь становится слишком спокойной и благоустроенной. Цель Замятина, видимо, не изображать конкретную страну, а показать, чем нам грозит машинная цивилизация» [Оруэлл, 1989, 309].

Очевидно, что важнейшая направленность романа рассматривалась именно как антикоммунистическая. Так, фрагмент романа включен (очевидно, в качестве иллюстрации) в издание «Problems of Communism» 1952 г. В заметке «От редактора» этого издания содержится

важное свидетельство о перемене взгляда на «Мы» в зарубежном восприятии, в частности о его расширении: «Когда роман впервые появился за границей в 1924 г., “Мы” не привлекли к себе особого внимания. Его выводы были непонятны большинству читателей за пределами Советского Союза; описание Единого Государства казалось истинно принадлежащим к области фантастики – возможно, забавным и провокационным, но слишком чуждым, чтобы воспринимать его всерьез. Теперь, по прошествии тридцати лет, мы с большей ясностью видим, что Замятин написал эту книгу как смелый и деятельный протест против угнетения интеллектуальной свободы расцветающим тоталитарным государством» [Zamyatin, 1952, 25].

Англоязычная эмигрантская критика

Глеб Струве в своей англоязычной книге о советской литературе, первое издание которой вышло в 1945 г., классифицирует «Мы» как роман антикоммунистический, помещая его в тематический раздел под названием «Контрреволюционные тенденции». Он подчеркивает нелепую, но в то же время закономерную издательскую судьбу романа: «он существует только в английском, французском и чешском переводах» [Struve, 1946, 130], хотя на русском он вышел в сокращении в эмигрантском пражском журнале «Воля России» [Бодров, 2001, 56], которое рассматривалось Дж. Куртисом в качестве «спорной публикации явно испорченного текста романа на русском языке» [Куртис, 2014, 608]. Переводы на чешский и французский были выполнены с английского языка, который сыграл, таким образом, важную роль языка-посредника [Alexandrova, 1952, 22].

Струве выделяет несколько важнейших черт романа, которые в дальнейшем, можно сказать, определяют судьбу его дальнейшей рецепции:

- сочетание научной фантастики в духе Уэллса с русским критическим романом и политической сатирой;
- стремление к «примитивизму», т. е. нарочитой простоте стиля;
- Хаксли в «Дивном новом мире» как наследник метода Замятина [Struve, 1946, 131].

Дальнейшая характеристика романа в книге Струве заключается в изложении и трактовке сюжета с пояснениями («Легко понять, что этот диалог должен был казаться особенно оскорбительным и контрреволюционным для коммунистической цензуры» [Ibidem, 136]). Хаксли предлагает для романа такую жанровую формулировку, как сатирическая утопия (*satirical utopia*) [Ibidem, 138].

Заключение

Критику романа-антиутопии Замятина «Мы» едва ли можно назвать однозначной: мнения рецензентов расходятся, и чаще всего причиной дискуссий является именно политическая составляющая произведения советского автора. Наличие политического подтекста отмечается всеми, но область охвата проблематики остается спорной: некоторые исследователи творчества Замятина отмечают критику лишь советского режима, другие говорят о больших масштабах, а именно об угнетении человеческих свобод тоталитарным государством в целом.

Историческая значимость текста Замятина неоспорима, что подтверждается работами большинства рецензентов, однако эстетическая составляющая романа «Мы» также подвержена активной критике. Следует отметить, что особенности стиля писателя осуждаются преимущественно советскими рецензентами раннего периода, англоязычная же критика более благосклонна к автору. Опираясь на выводы Б. Дейч и Д. Брюстер, можно с уверенностью сказать, что именно оригинальный метод изложения принес Замятину общественное признание

в первые годы после печати в издательстве «Dutton».

Неоспоримо также наличие влияния романа «Мы» на последующие антиутопические тексты зарубежных авторов и на развитие жанра антиутопии в целом. Данная преемственность подтверждается в рецензии Дж. Оруэлла, где на примере сопоставления романов Замятина и Хаксли отмечаются явные заимствования сюжетных элементов, идей и образов.

Подводя итог, следует отметить, что наибольшее признание таланта Замятина как писателя-антиутописта будет наблюдаться в более поздних критических отзывах и монографиях (после 1950-х гг.), однако уже на этапе первого знакомства с романом «Мы» прослеживается явное определение рецензентами заслуг автора, его влияния на литературный процесс XX в. Примечательно, что оценка романа обществом не единожды менялась и в период до 1950-х гг. Так, текст, воспринимаемый ранее как футуристический сатирический роман-антиутопия с политическим подтекстом, после Второй мировой войны приобретает новый смысл и рассматривается читателями прежде всего как роман пророческий, описывающий опыт тоталитарной диктатуры.

Библиография

1. Бодров В.А. Творчество Е.И. Замятина в восприятии критики русского зарубежья 1920-х годов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. Вып. 1. С. 54-57.
2. Браун Я. Взыскующий человека (творчество Евгения Замятина) // Сибирские огни. 1923. № 5-6. С. 225-241.
3. Воронский А.К. Литературные силуэты. Евг. Замятин // Красная новь. 1922. № 6.
4. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1956. Т. 30. 464 с.
5. Долженко С.Г. Творчество Е.И. Замятина в англоязычной критике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 189 с.
6. Куртис Дж. Исследования романа «Мы» за рубежом // Е.И. Замятин: pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей. СПб.: РХГА, 2014. С. 603-638.
7. Лунин Э. Замятин // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1930. Т. 4.
8. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 377 с.
9. Тынянов Ю.Н. Литературное сегодня // Русский современник. 1924. № 1. С. 291-306.
10. Шкловский В.Б. Пять человек знакомых. Тифлис: Заккнига, 1927. 100 с.
11. Alexandrova V.G.F. Soviet literature: 35 years of purge (I) // Problems of communism. London; New York, 1952. Vol. 1. P. 17-24.
12. Brewster D. Fiction of the revolution // The nation. 1925. Vol. 121. No. 3138.
13. Deutsch B. Tonic laughter // The new republic. 1925. Vol. 42. No. 537.
14. Struve G. 25 years of Soviet Russian literature (1918-1943). London, 1946. 348 p.
15. Zamyatin Ye. Life in a single state: an excerpt from *My (We)* // Problems of communism. London; New York, 1952. Vol. 1. P. 25-27.

Early English-language reception of Ye. Zamyatin's novel *We* (until the 1950s) in the context of the formation of dystopian literature

Elizaveta R. Korol'

Postgraduate,
Kuban State University,
350040, 149 Stavropolskaya st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: erkorol@mail.ru

Abstract

The article aims to carry out an analysis of the perception of Ye. Zamyatin's novel *We* in foreign criticism until the 1950s. The novel was first published in English in 1924, caused considerable critical reflection, and became one of the most important factors in the formation of the dystopian genre in world literature (primarily in English-language one). There are two main blocks in English-language reception—reception by English and American critics and publications by Russian authors abroad (primarily G. Struve). The criticism of Zamyatin's novel *We* can hardly be called unambiguous: the opinions of reviewers differ, the political component of the work of the Soviet author most often being the reason for the discussions. The historical significance of Zamyatin's text is indisputable, which is confirmed by the works of most reviewers, but the aesthetic component of the novel is also subject to active criticism. The peculiarities of the writer's style are discussed mainly by the Soviet reviewers of the early period, while English-language criticism is more favorable to the author. The author of the article points out that the novel, previously perceived as a futuristic satirical dystopian story with political overtones, acquires a new meaning after World War II and is viewed by readers primarily as a prophetic novel describing the experience of totalitarian dictatorship.

For citation

Korol' E.R. (2022) Rannyya angloyazychnaya retseptsiya romana E. Zamyatina “My” (do 1950-kh godov) v kontekste stanovleniya zhanra antiutopii [Early English-language reception of Ye. Zamyatin's novel *We* (until the 1950s) in the context of the formation of dystopian literature]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 12 (1-2), pp. 32-39. DOI: 10.34670/AR.2022.49.44.002

Keywords

Yevgeny Zamyatin, *We*, dystopia, critical reception, formation of dystopian literature, translation.

References

- Alexandrova V.G.F. (1952) Soviet literature: 35 years of purge (I). In: Problems of communism, Vol. 1. London; New York, pp. 17-24.
- Bodrov V.A. (2001) Tvorchestvo E.I. Zamyatina v vospriyatii kritiki russkogo zarubezh'ya 1920-kh godov [Yevgeny Zamyatin's works in the perception of Russian critics abroad in the 1920s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 1, pp. 54-57.
- Braun Ya. (1923) Vzyskuyushchii cheloveka (tvorchestvo Evgeniya Zamyatina) [Searching for man (Yevgeny Zamyatin's works)]. *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 5-6, pp. 225-241.
- Brewster D. (1925) Fiction of the revolution. *The nation*, 121 (3138).
- Curtis J. (2014) Issledovaniya romana “My” za rubezhom [The studies of the novel *We* abroad]. In: E.I. Zamyatin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Evgeniya Zamyatina v otsenke otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei [Yevgeny Zamyatin: pro et contra. The personality and creativity of Yevgeny Zamyatin as assessed by domestic and foreign researchers]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities, pp. 603-638.
- Deutsch B. (1925) Tonic laughter. *The new republic*, 42 (537).
- Dolzenko S.G. (2003) Tvorchestvo E.I. Zamyatina v angloyazychnoi kritike. Doct. Diss. [Yevgeny Zamyatin's works in English-language criticism. Doct. Diss.] Moscow.
- Gor'kii M. (1956) *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.], Vol. 30. Moscow.
- Lunin E. (1930) Zamyatin [Yevgeny Zamyatin]. In: *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t.* [Literary encyclopedia: in 11 vols.], Vol. 4. Moscow.
- Orwell G. (1989) “1984” i esse raznykh let [Nineteen Eighty-Four and essays of various years]. Moscow: Progress Publ.
- Shklovskii V.B. (1927) *Pyat' chelovek znakomykh* [Five people I know]. Tiflis: Zakkniga Publ.
- Struve G. (1946) *25 years of Soviet Russian literature (1918-1943)*. London.

-
13. Tynyanov Yu.N. (1924) Literaturnoe segodnya [Literary today]. Russkii sovremennik [Russian contemporary], 1, pp. 291-306.
 14. Voronskii A.K. (1922) Literaturnye siluety. Evg. Zamyatin [Literary silhouettes. Yevg. Zamyatin]. Krasnaya nov' [Red virgin soil], 6.
 15. Zamyatin Ye. (1952) Life in a single state: an excerpt from My (We). In: Problems of communism, Vol. 1. London; New York, pp. 25-27.